

DOI: 10.17803/1729-5920.2024.217.12.057-067

Е. В. Богданов

Российский экономический университет
имени Г.В. Плеханова
г. Москва, Российская Федерация

Е. Е. Богданова

Московский государственный юридический
университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
г. Москва, Российская Федерация

Психологические аспекты ответственности по российскому гражданскому и семейному праву

Резюме. В статье на основании проведенного исследования авторы приходят к выводу, что учет психологических аспектов является важным фактором, гарантирующим справедливое применение мер ответственности. В связи с этим оспаривается распространенная в доктрине точка зрения, обосновывающая необходимость отказа от психологической вины и перехода к концепции объективной (объективистской) вины, смысл которой заключается в том, что во внимание следует принимать не психическое (субъективное) отношение лица к своим действиям и соответствующим последствиям, а сам факт ненадлежащего исполнения должниками обязанностей и принятия (непринятия) ими соответствующих мер, т.е. объективную характеристику поведения должника. По мнению авторов, вина, которая объективирована в действиях субъекта, свидетельствует о его воле, о том, что, прежде чем не исполнять обязательство или исполнить его ненадлежащим образом, причинить вред потерпевшему, в том числе путем злоупотребления своим правом, субъект должен сформировать всё это в сознании, это должно стать его волей и выразиться вовне уже в качестве волевого действия. Авторы приходят к заключению, что для гражданско-правовой ответственности характерна не только неосторожная, но и умышленная вина, в том числе вина в форме прямого умысла. Сравнение психологических аспектов ответственности в гражданском и семейном праве позволяет утверждать, что умышленная вина более характерна именно для семейно-правовой ответственности, чем для гражданско-правовой, что обусловлено спецификой семейных отношений.

Ключевые слова: вина; семейное право; гражданское право; умысел; неосторожность; противоправность; добросовестность; лишение родительских прав; злоупотребление правом; солидарная ответственность; безвиновная ответственность

Для цитирования: Богданов Е. В., Богданова Е. Е. Психологические аспекты ответственности по российскому гражданскому и семейному праву. *Lex russica*. 2024. Т. 77. № 12. С. 57–67. DOI: 10.17803/1729-5920.2024.217.12.057-067

Psychological Aspects of Liability under Russian Civil and Family Law

Evgeniy V. Bogdanov

Plekhanov Russian University of Economics
Moscow, Russian Federation

Elena E. Bogdanova

Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Moscow, Russian Federation

Abstract. Based on the study, the authors conclude that taking into account psychological aspects is an important factor that guarantees the fair application of liability measures. In this regard, the authors contend the common point of view in the doctrine, justifying the need to abandon psychological fault and the transition to the concept of objective (objectivist) fault. Objective (objectivist) fault means that what we need to take into account is a non-mental (subjective) attitude of the person to his actions and the corresponding consequences, and the fact of improper performance of duties by the debtors whether they take (or fail to take) appropriate measures, i.e., an objective description of the debtor's behavior. According to the authors, the fault, that is objectified in the actions of the subject, testifies to his will, testifies that before not fulfilling the obligation or fulfilling it improperly, before causing harm to the victim, including by abusing his right, the subject must form all this in consciousness, this should become the subject's will and reflect outward as a strong-willed action. The authors conclude that civil liability is characterized not only by careless, but also intentional fault, including fault in the form of direct intent. A comparison of the psychological aspects of liability in civil and family law allows us to assert that intentional fault is more characteristic of family legal liability than of civil law due to the specifics of family relations.

Keywords: fault; family law; civil law; intent; carelessness; wrongfulness; good faith; deprivation of parental rights; abuse of law; joint and several liability; strict liability

Cite as: Bogdanov EV, Bogdanova EE. Psychological Aspects of Liability under Russian Civil and Family Law. *Lex russica*. 2024;77(12):57-67. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2024.217.12.057-067

Дискуссия о психологических аспектах ответственности в гражданском и семейном праве

Нормы права, регламентирующие ответственность как по гражданскому, так и по семейному праву, устанавливая определенные неблагоприятные последствия для правонарушителей за их ненадлежащее поведение, следовательно, причиной применения правовых санкций является прежде всего антиобщественное поведение соответствующих лиц.

Поведение человека — это всегда результат его психической деятельности. Поэтому особый интерес представляет исследование психологических аспектов ответственности. Однако, поскольку речь зашла о поведении ответственного лица, необходимо рассмотреть и его отношение к своему антиобщественному, точнее, противоправному, поведению и соответствующим последствиям, т.е. вине. Следует отметить,

что в последнее время всё чаще говорят о безвиновной ответственности — ответственности без психологической вины.

Появилась даже концепция так называемой объективистской, «поведенческой» вины, сторонниками которой являются М. И. Брагинский, В. В. Витрянский, Б. И. Пугинский, Е. А. Суханов и др. Смысл ее заключается в том, что во внимание следует принимать не психическое (субъективное) отношение лица к своим действиям и соответствующим последствиям, а сам факт ненадлежащего (надлежащего) исполнения должниками своих обязанностей и принятия (непринятия) ими соответствующих мер¹, т.е. объективная характеристика поведения должника.

На наш взгляд, интерес по данному вопросу представляет позиция Е. А. Суханова, который, отрицая субъективную концепцию вины, пишет, в частности: «Виной в гражданском праве следует признавать непринятие правонарушите-

¹ См.: Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Общие положения. М., 1997. С. 582–613 ; Пугинский Б. И. Гражданско-правовые средства в хозяйственных отношениях. М., 1984. С. 151–153 ; Российское гражданское право : учебник : в 2 т. / отв. ред. Е. А. Суханов. М., 2011. Т. 1. С. 463.

лем всех возможных мер по предотвращению неблагоприятных последствий своего поведения, необходимых при той степени заботливости и осмотрительности, которая требовалась от него по характеру лежащих на нем обязанностей и конкретным условиям оборота»².

Впрочем, позиция Е. А. Суханова представляется спорной: во-первых, автор сам в своем определении указывает на непринятие должником всех возможных мер по предотвращению неблагоприятных последствий своего поведения. Но поведение есть результат осознания субъектом необходимости определенных волевых действий, и непринятие всех возможных мер по предотвращению неблагоприятных последствий представляет собой следствие психического, т.е. субъективного, отношения правонарушителя к своим действиям по исполнению договорного обязательства.

Кроме того, по утверждению Е. А. Суханова, само исполнение обязательства есть сделка, и «поведение должника во исполнение обязательства всегда имеет целевую направленность»³. Но если исполнение обязательства есть сделка, имеющая целевую направленность, то как можно рассуждать о воле в сделке и ее целевой направленности, игнорируя психическую составляющую этого процесса. К тому же обоснование отказа от субъективной основы вины ссылками на то, что компенсаторно-восстановительная функция гражданского права ориентирует прежде всего на возмещение убытков кредитора (потерпевшего), по сути, сводит на нет не только воспитательную функцию гражданского права, но и принцип равенства субъектов, поскольку на первый план выставляется кредитор, а должник вообще остается вне сферы права.

Часто в подтверждение вышеприведенного тезиса ссылаются на абзац 2 п. 1 ст. 401 ГК РФ, согласно которому лицо признается невиновным, если при той степени заботливости и осмотрительности, какая от него требовалась по характеру обязательства и условиям оборота, оно приняло все меры для надлежащего исполнения обязательства. Однако комментаторы, анализирующие данное положение, «забывают», что есть еще в п. 1 ст. 401 ГК РФ абзац 1. И прежде всего следует отметить, что

именно с абзаца 1 начинается ст. 401 ГК РФ. В соответствии с абз. 1 п. 1 ст. 401 ГК РФ лицо, не исполнившее обязательство либо исполнившее его ненадлежащим образом, по общему правилу несет ответственность при наличии вины (умысла или неосторожности).

Но ведь именно умысел и неосторожность характеризуют вину как психологическую (психическую) категорию. В связи с этим не получается ли так, что представители объективистской концепции вины в действительности оказались где-то между субъективной и объективной виной.

В этом плане весьма интересна позиция В. Варкалло: «Невозможность исполнения или надлежащего исполнения имеет субъективный характер, но оценивается по объективному и абстрактному критерию заботливости, такому как надлежащая заботливость. Однако это не меняет ее субъективного по существу характера»⁴. Видимо, названный автор все-таки тяготеет к субъективной (психологической вине), но это может быть и не так. Где-то посередине? Но такая срединная позиция в принципе невозможна в вопросе ответственности.

Психологические аспекты гражданско-правовой ответственности. Субъективная и объективная концепции вины

В гражданском законодательстве есть указания на умышленную вину (ст. 10, 169, 401, 404, 607, 901, 1079, 1083 и др. ГК РФ). При этом случаев умышленной вины может быть гораздо больше, чем это прямо предусматривается в законе, например, о какой вине говорится в ст. 456 ГК РФ, согласно которой продавец обязан передать покупателю товар, предусмотренный договором купли продажи, но не передает этот товар. Здесь вполне возможно умышленное неисполнение продавцом своего обязательства. Об умышленном неисполнении обязательства может идти речь в ст. 460, 466, 469, 478, 484, 495, 606, 785 и др. ГК РФ.

Кроме того, в этом плане можно отметить предусмотренные законом случаи недобросовестного отношения субъектов к исполнению своих обязанностей. Например, в п. 1 ст. 10,

² Российское гражданское право. Т. 1. С. 463.

³ Российское гражданское право. Т. 2. С. 67.

⁴ Варкалло В. Ответственность по гражданскому праву (возмещение вреда — функции, виды, границы) / пер. с польск. В. В. Залесского ; под ред. С. Н. Братуся. М. : Прогресс, 1978. С. 250.

п. 2 ст. 431.1, п. 2 ст. 434.1 ГК РФ указывается не просто на недобросовестность, а на заведомую недобросовестность, что свидетельствует о прямом умысле. Да и как можно иначе понимать указание закона на заведомую недобросовестность: субъект знает о том, что его действия направлены на прямое нарушение закона или договора, осознает это и намеренно совершает эти действия. Что это, как не прямой умысел?

Довольно часто законодатель, характеризуя поведение субъекта, использует термины, определяющие его осведомленность о последствиях своих действий, например «знал» или «должен был знать». Так, согласно п. 2 ст. 166 ГК РФ сторона, из поведения которой явствует ее воля сохранить силу сделки, не вправе оспаривать сделку по основанию, о котором эта сторона знала или должна была знать при проявлении ее воли. Указанное словосочетание «знал или должен был знать» используется законодателем в целом ряде других норм: ст. 167, 173, 173.1, 174, 174.1, 183, 1257, 1472 ГК РФ и др.

Если субъект «знал», то это говорит о его осведомленности о запрете каких-либо действий, и если тем не менее он их совершает, то действует с прямым умыслом. Что касается другой части используемого словосочетания, «должен был знать», то это может свидетельствовать о вине в форме неосторожности. Если приобретатель не знал и не мог знать, что приобретает имущество у лица, которое не имело права его отчуждать, то виндигировать данное имущество его собственник вправе лишь в предусмотренных в законе случаях (ст. 302 ГК РФ). Если же приобретатель знал, что приобретает имущество от не управомоченного на отчуждение имущества лица, т.е. действовал с прямым умыслом, то соответствующее имущество виндигируется собственником в любом случае (ст. 301 ГК РФ).

Может быть и такое: об умысле стороны прямо в норме не говорится, но соответствующий вывод вытекает из самого содержания нормы. Так, согласно ст. 170 ГК РФ ничтожна сделка, совершенная лишь для вида, без намерения создать соответствующие правовые последствия. На наш взгляд, мнимая сделка может быть совершена только с прямым умыслом.

В законодательстве есть прямые указания на вину в форме грубой неосторожности (ст. 697,

901, 1083 ГК РФ и др.). Что касается вины в форме простой неосторожности, то это общее правило гражданско-правовой ответственности, и в этой связи нет необходимости указывать конкретные статьи ГК РФ. В части абз. 2 п. 1 ст. 401 ГК РФ верно утверждает Е. Е. Богданова, что в действительности в данном положении речь идет не о вине, но о добросовестности. Если несколько изменить (точнее, подправить) абз. 2 п. 1 ст. 401 ГК РФ и вместо «вины» поставить другой термин — «добросовестность», то получим не что иное, как определение добросовестности: лицо признается добросовестным, если при той степени заботливости и осмотрительности, какая от него требовалась по характеру обязательства и условиям оборота, оно приняло все меры для надлежащего исполнения обязательства⁵.

В этой связи возникает вопрос к последователям объективной (объективистской) концепции вины, как тогда отграничить объективную вину (по их мнению, это объективная категория) от добросовестности, также являющейся объективной категорией.

Представляет интерес анализ п. 1 ст. 10 ГК РФ с объективистских позиций. В соответствии с указанной нормой не допускается осуществление гражданских прав исключительно с намерением причинить вред другому лицу, т.е. со стороны субъекта, осуществляющего свое право во зло другому лицу (именно во зло, злонамеренно), более чем неуместно рассуждать о какой-то степени своей заботливости и осмотрительности (абз. 2 п. 1 ст. 401 ГК РФ). Конечно же, в данном случае речь идет о психической вине правонарушителя в форме прямого умысла.

Но законодатель неслучайно не указал в п. 1 ст. 10 ГК РФ на прямой умысел ответственного лица. Избранное законодателем словосочетание «исключительно с намерением» говорит не только о прямом умысле, но также и о том, что в данном случае для квалификации действий правонарушителя в качестве злоупотребления своим правом не требуется, чтобы вред уже был причинен потерпевшему, достаточно установить само намерение причинить вред.

Вместе с тем возникает вопрос, в связи с какими обстоятельствами некто (это может быть, например, партнер по бизнесу) вдруг решается осуществлением своего права при-

⁵ Богданова Е. Е. Принцип добросовестности и эволюция защиты гражданских прав в договорных отношениях : монография. М. : Юрлитинформ, 2014. С. 35.

чинить зло контрагенту. Представляется, что на этот вопрос ответил еще К. Маркс: «Всякая частная собственность как таковая ощущает — по крайней мере по отношению к более богатой частной собственности — зависть и жажду нивелирования, так что эти последние составляют даже сущность конкуренции»⁶. Таким образом, своими правами частные собственники способны злоупотреблять столько, сколько будет существовать частная собственность. Именно последняя способна породить зависть, недоброжелательность и другие негативные проявления, что могут послужить стимулом для субъекта к совершению деструктивных действий по отношению к конкуренту.

Конечно, вполне возможно, что правонарушитель решил таким путем приобрести какие-либо преимущества на рынке, реализовать свою враждебность к тому, у которого дела идут лучше, не имея в виду получить материальные приобретения, или просто причинить зло. Э. Фромм в этой связи полагал, что только человек подвержен влечению мучить и убивать и при этом может испытывать удовольствие. Это единственное живое существо, способное уничтожать себе подобных без всякой для себя пользы или выгоды⁷. Однако злостные мотивы правонарушителя и его аморальность очевидны.

Представляется, что правила ст. 10 ГК РФ не вполне учитывают указанные психологические аспекты злоупотребления правом при определении правовых последствий. Конечно, в данном случае возможны отказ судом правонарушителю в защите принадлежащего ему права полностью или частично (п. 2 ст. 10 ГК РФ), возмещение убытков, причиненных злоупотреблением правом (п. 4 ст. 10 ГК РФ), но статья 10 ГК РФ не предусматривает неблагоприятных имущественных последствий на тот случай, когда правонарушитель получил доходы вследствие своего злоупотребления. На наш взгляд, учитывая низменность, аморальность поведения правонарушителя, можно взыскивать также соответствующие доходы в бюджет государства, тем более предполагается, что убытки потерпевшему будут полностью возмещены (п. 4 ст. 10 ГК РФ). Однако в этих

целях следует внести необходимые дополнения в ст. 10 ГК РФ.

Вину в форме грубой или простой неосторожности также можно определить исходя из психического отношения правонарушителя к своему противоправному поведению, тем более что в ряде случаев вопрос о привлечении к ответственности и применяемой санкции зависит от степени вины правонарушителя (ст. 404, 1081, 1101 и др. ГК РФ).

От самого понятия «вина» сторонники объективной теории не отказываются (во всяком случае, пока), но пытаются выхолостить его суть. Однако как, если не психически, должник будет относиться к исполнению своих обязанностей? Надлежащее или ненадлежащее исполнение обязательства также является результатом психической деятельности, т.е. поведения соответствующего лица, и, естественно, без отношения субъекта к этому поведению такое действие лица просто невозможно. При этом возникает вопрос, как сторонники объективистской концепции (объективисты) намерены решать задачу воспитания соответствующих лиц. Ведь многие представители, исключая психологическое начало ответственности, утверждают, что ответственность имеет большое воспитательное значение. Это происходит потому, что санкции как неблагоприятные последствия обладают мощным психическим (психологическим) воздействием на сознание человека и, следовательно, могут влиять на его поведение⁸.

Кроме этого, объективистам потребуются также объяснить отличие объективной вины от противоправности; поскольку обе категории являются объективными, требует объяснения и отличие объективной вины от недобросовестности. Наконец, объективная вина не может быть применена в деликтных отношениях, когда часто возмещение причиненного вреда является следствием уголовного преступления. Что же может получиться в этом случае: с точки зрения уголовного права вина преступника будет квалифицироваться с позиций субъективной вины, а вопрос об удовлетворении гражданского иска в уголовном судопроизвод-

⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. М.: Политиздат, 1974. Т. 42. С. 114–115.

⁷ Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности / пер. с нем. Э. Телятниковой. М.: АСТ, 2022. С. 332.

⁸ О значении института ответственности в сфере воспитания см. подробнее: Богданова Е. Е., Богданов Е. В. Концептуальные начала воспитательной функции в российском гражданском и семейном праве // Lex russica. 2024. Т. 77. № 6. С. 35–45.

стве — с позиций так называемой объективной вины, т.е. придется устанавливать две вины. Или все-таки следует избрать одну вину — психическую (психологическую), руководствуясь которой можно будет и квалифицировать действия преступника, и решать вопрос о возмещении имущественного вреда, причиненного преступником потерпевшему.

На наш взгляд, появление концепций объективистской, «поведенческой» вины, безвиновной ответственности есть следствие борьбы двух начал ответственности: вины и причинения. История борьбы этих начал насчитывает много веков. Верх одерживало то одно, то другое⁹.

В настоящее время эта борьба, казалось бы, закончилась своего рода компромиссом. Ответственность без учета психического отношения лица к своему поведению, т.е. вины (начало причинения), возможна в случае, предусмотренном законом. Во всех остальных случаях действует или начало вины (п. 1 ст. 401 ГК РФ), или компромиссное решение законодателя, когда вопрос о выборе начала вины или начала причинения решается самими субъектами. Так, согласно п. 3 ст. 401 ГК РФ ответственность без вины возможна, если законом или договором не предусмотрено иное. Таким образом, стороны договора сами решают, какое начало ответственности — причинение или вину — им избрать. Если одна сторона будет настаивать на виновном начале, а другая — на начале причинения, скорее всего, договор не будет заключен.

Вина возможна лишь при наличии в действиях правонарушителя противоправности. Однако в гражданском праве неблагоприятные последствия могут иметь место в связи с действиями не только правонарушителя (должника, причинителя вреда), но и самого кредитора (потерпевшего).

Согласно ст. 404 ГК РФ, если неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательства произошло по вине обеих сторон, суд в зависимости от степени вины каждого из субъектов соответственно уменьшает размер ответственности должника. Таким образом, в законе признается возможность вины кредитора. Однако остается ли правильной формулировка, что вина есть психическое отношение субъекта к своим противоправным действиям и соответ-

ствующим последствиям. Как понимать в этом случае противоправность? С одной стороны, есть противоправность правонарушителя, а с другой — противоправность кредитора (потерпевшего). Противоправность должника — это деятельность против кредитора (потерпевшего), это зло против него, а противоправность самого кредитора — это деятельность кредитора против самого себя, зло против себя.

Ответ здесь в том, что «противоправность» — категория объективная. Против права (закона) не может действовать ни один субъект. Нарушать право не позволено никому: ни должнику, ни кредитору. «Вина» — это субъективная категория, это психическое отношение лица, но «противоправность» — объективная, это правовой строй государства, общества.

Впрочем, вина как психическое отношение к правовому строю государства должна быть объективирована в действиях соответствующего субъекта. Это должно свидетельствовать о его воле, о том, что неисполнение обязательства или исполнение его ненадлежащим образом, причинение вреда потерпевшему, в том числе путем злоупотребления своим правом, — всё это должно сформироваться в сознании субъекта, стать его волей и отразиться вовне уже в качестве волевого действия. В. И. Селиванов полагает, что воля есть регулирующая функция мозга, выраженная в способности человека сознательно управлять собой и своей деятельностью, руководствуясь определенными побуждениями и целями¹⁰.

В данном случае имеется в виду зрелая воля, воля полностью дееспособного человека, однако в гражданском обороте принимают участие и несовершеннолетние, и малолетние лица, и лица, имеющие психические расстройства, и т.д. Они также могут быть субъектами отношений ответственности.

За несовершеннолетних, не достигших 14 лет (малолетних), имущественную ответственность по совершенным ими сделкам и по требованиям о возмещении вреда несут их родители, усыновители или опекуны, если не докажут, что обязательство было нарушено или вред был причинен не по их вине (ст. 28, 1073 ГК РФ).

По сделкам, совершенным несовершеннолетними в возрасте от 14 до 18 лет, отвечают сами несовершеннолетние. Родители, усынови-

⁹ Подробнее см.: Богданов Е. В. Проблемы социализации и гуманизации гражданского законодательства России : монография. М. : Проспект, 2023. С. 257–270.

¹⁰ Селиванов В. И. Воля и ее воспитание. М., 1976. С. 17.

тели, опекуны по действующему законодательству к ответственности не привлекаются (ст. 26 ГК РФ). Что касается требований о возмещении вреда, то родители, усыновители, опекуны за причиненный несовершеннолетними ущерб несут субсидиарную ответственность, если не докажут, что вред причинен не по их вине (ст. 1074 ГК РФ).

В отношении ответственности родителей, усыновителей, опекунов за действия малолетних и несовершеннолетних в возрасте от 14 до 18 лет в ст. 28, 1073, 1074 ГК РФ предусматривается, что они привлекаются к ответственности, если не докажут своей невиновности. Проблемой здесь является характер ответственности родителей, усыновителей, опекунов: является ли она долевой или солидарной. Так, в отношении малолетних в ст. 28 ГК РФ говорится, например, что родители отвечают по сделкам указанных лиц, если не докажут, что обязательство было нарушено не по их вине. Под виной родителей понимается недолжное воспитание или неосуществление необходимого надзора за ребенком. Однако оба родителя, согласно ст. 61, 63, 65 СК РФ, обязаны совместно, т.е. общими усилиями, воспитывать ребенка, а совместность предполагает солидарность, солидарную ответственность. При этом совместное воспитание обязательно для родителей, как состоящих, так и не состоящих в браке.

А. М. Рабец полагает, что если родители в браке не состоят, то они могут нести не солидарную, а долевую ответственность¹¹. Указанный автор доказывает, что положение о солидарной ответственности вытекает из правового режима совместной собственности, но поскольку брак не зарегистрирован, между соответствующими лицами возможен режим общей долевой собственности, а потому и ответственность родителей, не состоящих в браке, может быть только долевой. Однако в основе вида ответственности (долевая или солидарная) должен быть не правовой режим собственности, а совместность в воспитании ребенка. Конструкция долевой собственности в данном случае не только ошибочна, но и вредна, поскольку, ссылаясь на доли в имуществе, родители будут определять и свои доли в воспитании ребенка: у кого больше доля, тот и должен больше заниматься воспитанием ребенка, и, естественно,

маленькая доля допускает незначительное участие в воспитании. Внедрение цивилистических конструкций в очень сложную, специфическую сферу семейных (личных) отношений в этом случае не соответствует правовой природе последних.

В отношении малолетних детей ответственность родителей как в договорных, так и в деликтных отношениях будет основной, солидарной. Что касается ответственности несовершеннолетних детей в возрасте от 14 до 18 лет, то ответственность родителей в данном случае будет солидарной, субсидиарной; в то же время участие каждого родителя в воспитании будет учитываться в споре между ними¹².

Солидарную ответственность родителей и несовершеннолетних необходимо установить еще в ряде случаев. Так, согласно ст. 26 ГК РФ, кроме сделок, совершаемых несовершеннолетним самостоятельно, все остальные сделки он может совершать только с согласия своих родителей, усыновителей или попечителя. Такое требование закона основывается на том, что психика несовершеннолетнего еще незрелая, не сформировавшаяся, потому его дееспособность является неполной. Давая согласие на совершение сделки, родители восполняют неполноту дееспособности несовершеннолетнего. Действительность сделки зависит от наличия согласия родителей, однако по сделке, совершенной несовершеннолетним, отвечает только он.

В итоге возникает довольно спорная ситуация: с одной стороны, для совершения сделки необходимо согласие родителей, неполную дееспособность, как и незрелую волю несовершеннолетнего, следует восполнить, с другой — родители, восполнившие дееспособность и создавшие условия для действительности сделки, оказываются вне сферы ответственности. Объяснения этому с позиции устойчивости и стабильности гражданского оборота представляются неубедительными. На наш взгляд, именно внедрение в указанном случае солидарной ответственности родителей и несовершеннолетнего обеспечит должную защиту интересов как самого несовершеннолетнего, так и других участников сделки.

Солидарную ответственность следует конструировать также для тех ситуаций, когда

¹¹ Рабец А. М. Обязательства по возмещению вреда, причиненного жизни и здоровью. М., 1998. С. 190.

¹² Богданова Е. Е. Субсидиарная ответственность. Проблемы теории и практики. М.: Приор-издат, 2003. С. 104.

гражданин, страдающий психическим заболеванием, самостоятельно не в состоянии сформировать свою волю на совершение сделки. В этом случае суд, в соответствии со ст. 30 ГК РФ, ограничивает это лицо в дееспособности, и над ним устанавливается попечительство. Некоторые сделки такое лицо вправе совершать самостоятельно (п. 2 ст. 30 ГК РФ), однако все остальные сделки должны совершаться с письменного согласия попечителя, который должен самым тщательным образом объяснить опекаемому суть сделки и ее последствия. Но чья воля будет реализована в гражданском обороте — воля опекаемого или совместная воля опекаемого и попечителя? На наш взгляд, здесь будет иметь место именно совместная воля, в связи с чем ответственность также должна быть совместной, а не ответственностью только подопечного, как это предусмотрено в п. 2 ст. 30 ГК РФ.

Возникает вопрос, что же лежит в основе действия субъекта, его волевого усилия. Большинство гражданско-правовых действий основываются на необходимости удовлетворения определенной потребности, на базе которой формируются мотив поведения¹³ и воля субъекта. Например, заключением гражданско-правового договора субъект стремится удовлетворить какую-либо потребность в товарах, работах, услугах и пр. Потребность в данном случае является движущим началом формирования гражданско-правового отношения. Но применительно к ответственности не только потребность может быть движущим началом ее формирования. Так, потребность может усматриваться, например, при умышленном, а возможно и неосторожном, неисполнении обязательства с целью максимальной защиты своих интересов. Однако при злоупотреблении субъектом своим правом исключительно с намерением причинить вред другому лицу потребность можно усмотреть, пожалуй, при установленном желании правонарушителя экономически уничтожить своего конкурента.

Но если подобное развитие ситуации исключить, то, скорее всего, злостное осуществление правонарушителем своего права (употребление

его во зло) является следствием эмоционального восприятия правонарушителем каких-то жизненных ситуаций; его поведение в этих случаях отражает его психоэмоциональное состояние. Эмоции могут быть как положительными, так и отрицательными¹⁴. Отрицательная эмоция может возбудить низменную потребность причинить зло определенному лицу. Исключительное намерение причинить вред лицу, с которым правонарушитель определенным образом был связан (бизнес, родство, знакомство и др.), посредством злоупотребления своим правом свидетельствует об аморальности и асоциальности лица и, как следствие, о его злой воле. Данное положение представляется еще одним аргументом в пользу взыскания в доход бюджета тех средств, которые были получены правонарушителем в результате злоупотребления своим правом. Это усилит воспитательное действие норм гражданского права не только на правонарушителя, но и на других лиц и, вполне возможно, повлияет на их поведение¹⁵.

Специфика психологических аспектов семейно-правовой ответственности

Некоторой спецификой характеризуются психологические аспекты в сфере семейно-правовой ответственности. Представляется, что применительно к теме исследования следует проанализировать психологические аспекты ответственности субъектов в случае лишения родительских прав, а также в случае привлечения к ответственности должников в связи с неуплатой алиментов на содержание несовершеннолетних детей.

Говоря о лишении родительских прав, следует согласиться с мнением С. В. Зыкова о том, что «в юридическом институте лишения родительских прав усматривается изъятие из самих принципов семейного права (необходимость укрепления семьи, недопустимость произвольного вмешательства кого-либо в дела семьи, приоритет семейного воспитания и пр., проще было бы перечислить принципы, которые не затрагиваются данным институтом)»¹⁶. Учитывая

¹³ *Иванников В. А.* Культурно-историческая психология волевого действия: От прогноза к поступку. Избранные труды. М.: Когито-Центр, 2021. С. 259.

¹⁴ *Макарова К. В., Таллина О. А.* Психология человека: учеб. пособие. М.: Прометей, 2023. С. 123–131.

¹⁵ *Столяренко Л. Д., Самыгин С. И.* Психология общения: учебник. Ростов н/Д, 2022. С. 79.

¹⁶ *Зыков С. В.* О выражении в законодательстве исключительного характера применения лишения родительских прав в качестве меры семейно-правовой ответственности // Семейное и жилищное право. 2017. № 2. С. 9–11.

исключительность данной меры ответственности, о которой неоднократно упоминает Верховный Суд РФ, законодателю следовало бы сформулировать и особые условия привлечения правонарушителя к такой ответственности¹⁷. Однако для ст. 69 СК РФ характерно практически полное отсутствие (за исключением одного случая) указаний на вину родителей, а также на форму такой вины. Д. Н. Кархалев в этой связи полагает, что для реализации данной меры в суде следует доказать противоправность и вину родителей — субъективное условие¹⁸.

На наш взгляд, лишение родительских прав возможно лишь при наличии умысла в действиях (бездействии) родителей, предусмотренных статьей 69 СК РФ. Так, родители могут быть лишены родительских прав, если они уклоняются от выполнения своих обязанностей, в том числе при злостном уклонении от уплаты алиментов. А. С. Лукомская по этому вопросу отмечает, что под уклонением следует понимать неоднократные, систематические действия (бездействие), которые подразумевают отсутствие заботы о детях, в чем бы это ни выразилось, когда подобная ситуация приводит к отсутствию удовлетворения жизненно важных потребностей ребенка¹⁹.

Уклонение от обязанностей родителей по воспитанию и содержанию ребенка возможно не иначе как с прямым умыслом. Соответствующий субъект знает свои родительские обязанности, но не желает их выполнять. В данном случае мотивы уклонения от воспитания ребенка значения не имеют. Важен сам факт уклонения. Тем более прямой умысел усматривается при злостном уклонении родителя от уплаты алиментов на содержание ребенка.

Отказ родителя без уважительных причин от получения своего ребенка из родильного дома либо иной медицинской организации, образовательной организации, организации социального обслуживания или из аналогичных учреждений также может произойти лишь при умысле родителя. Неосторожность здесь практически невозможна. Другое дело, если

отказ забрать ребенка мотивирован какими-либо уважительными причинами, например заболеванием родителей, утратой жилья и др.

Злоупотребление родителями своими правами, например склонение к попрошайничеству, употреблению наркотиков или спиртных напитков, воровству, проституции и др., безусловно, также возможно лишь при умышленном поведении родителей.

Умышленное поведение родителей усматривается и в случаях жестокого обращения с детьми, в том числе осуществления физического или психического насилия над детьми, покушения на их половую неприкосновенность. Совершение умышленных преступлений против жизни или здоровья своих детей, другого родителя детей, супруга, в том числе не являющегося родителем детей, либо против жизни или здоровья иного члена семьи также является основанием лишения родительских прав.

Возникает вопрос о характеристике поведения лиц, являющихся больными хроническим алкоголизмом или наркоманией. Эти лица, хотя и являются больными, сами довели себя до такого заболевания и злоупотребляли спиртными напитками и наркотиками умышленно. Оставлять ребенка с такими лицами опасно для его жизни и здоровья, потому установлено правило о лишении хронических алкоголиков и наркоманов родительских прав.

Родители обязаны содержать своих несовершеннолетних детей. В случае если родители не предоставляют содержание своим несовершеннолетним детям, на содержание детей взыскиваются алименты (ст. 80 СК РФ). Как отмечает Д. Н. Кархалев, «в семейном законодательстве предусмотрена ответственность лица, обязанного уплачивать алименты по решению суда, за несвоевременную уплату алиментов (уплата неустойки, возмещение убытков). Она наступает в случае образования задолженности по вине плательщика алиментов»²⁰.

Впрочем, на наш взгляд, в данном случае неосторожность как таковая невозможна в

¹⁷ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 14.11.2017 № 44 «О практике применения судами законодательства при разрешении споров, связанных с защитой прав и законных интересов ребенка при непосредственной угрозе его жизни или здоровью, а также при ограничении или лишении родительских прав» // Российская газета. № 262. 20.11.2017.

¹⁸ Кархалев Д. Н. Механизм гражданско-правового регулирования охранительных отношений. М. : Инфотропик Медиа, 2022.

¹⁹ Лукомская А. С. Правовое и психолого-педагогическое обеспечение социальной безопасности несовершеннолетних // Вестник Удмуртского университета. 2014. № 2. С. 160.

²⁰ Кархалев Д. Н. Указ. соч.

принципе. Непредоставление содержания несовершеннолетним детям — всегда умышленное правонарушение.

Вывод

На основании проведенного исследования можно заключить, что учет психологических аспектов является важным фактором, гарантирующим справедливое применение мер ответственности.

В этой связи представляется спорной распространенная в доктрине точка зрения, обосновывающая необходимость отказа от психологической вины и перехода к концепции объективной (объективистской) вины, смысл которой заключается в том, что во внимание следует принимать не психическое (субъективное) отношение лица к своим действиям и соответствующим последствиям, а сам факт ненадлежащего исполнения должниками своих обязанностей и принятия (непринятия) ими

соответствующих мер, т.е. объективную характеристику поведения должника.

В то же время вина, которая объективирована в действиях соответствующего субъекта, свидетельствует о его воле, о том, что неисполнение обязательства или исполнение его ненадлежащим образом, причинение вреда потерпевшему, в том числе путем злоупотребления своим правом, — всё это должно сформироваться в сознании субъекта, стать его волей и выразиться вовне уже в качестве волевого действия.

В связи с этим делается вывод, что для гражданско-правовой ответственности характерна не только неосторожная, но и умышленная вина, в том числе в форме прямого умысла.

Следует также отметить, что сравнение психологических аспектов ответственности в гражданском и семейном праве позволяет утверждать, что умышленная вина более характерна именно для семейно-правовой ответственности, чем для гражданско-правовой, что обусловлено спецификой семейных отношений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Богданов Е. В.* Проблемы социализации и гуманизации гражданского законодательства России : монография. М. : Проспект, 2023. 272 с.
- Богданова Е. Е.* Принцип добросовестности и эволюция защиты гражданских прав в договорных отношениях : монография. М. : Юрлитинформ, 2014. 339 с.
- Богданова Е. Е., Богданов Е. В.* Концептуальные начала воспитательной функции в российском гражданском и семейном праве // *Lex russica*. 2024. Т. 77. № 6. С. 35–45.
- Брагинский М. И., Витрянский В. В.* Договорное право. Общие положения. М., 1997. 847 с.
- Варкалло В.* Ответственность по гражданскому праву (возмещение вреда — функции, виды, границы) / пер. с польск. В. В. Залесского ; под ред. С. Н. Братуся. М. : Прогресс, 1978. 328 с.
- Зыков С. В.* О выражении в законодательстве исключительного характера применения лишения родительских прав в качестве меры семейно-правовой ответственности // Семейное и жилищное право. 2017. № 2. С. 9–11.
- Иванников В. А.* Культурно-историческая психология волевого действия: От прогноза к поступку. Избранные труды. М. : Когито-Центр, 2021. 508 с.
- Кархалев Д. Н.* Механизм гражданско-правового регулирования охранительных отношений. М. : Инфотропик Медиа, 2022. 892 с.
- Лукомская А. С.* Правовое и психолого-педагогическое обеспечение социальной безопасности несовершеннолетних // Вестник Удмуртского университета. 2014. № 2.
- Макарова К. В., Таллина О. А.* Психология человека : учеб. пособие. М. : Прометей, 2023. 160 с.
- Пугинский Б. И.* Гражданско-правовые средства в хозяйственных отношениях. М. : Юрид. лит., 1984. 224 с.
- Рабец А. М.* Обязательства по возмещению вреда, причиненного жизни и здоровью. М. : Федерал. фонд ОМС, 1998. 296 с.
- Российское гражданское право : учебник : в 2 т. / отв. ред. Е. А. Суханов. М., 2011.
- Селиванов В. И.* Воля и ее воспитание. М. : Знание, 1976. 63 с.
- Столяренко Л. Д., Самыгин С. И.* Психология общения : учебник. Ростов н/Д, 2022. 317 с.
- Фромм Э.* Анатомия человеческой деструктивности / пер. с нем. Э. Телятниковой. М. : АСТ, 2022. 608 с.

REFERENCES

- Bogdanov EV. Problems of socialization and humanization of civil legislation of Russia. Moscow: Prospekt Publ.; 2023. (In Russ.).
- Bogdanova EE, Bogdanov EV. Conceptual Principles of the Upbringing Function in Russian Civil and Family Law. *Lex russica*. 2024;77(6):35-45. (In Russ.).
- Bogdanova EE. The principle of good faith and the evolution of civil rights protection in contractual relations. Moscow: Yurlitinform publ.; 2014. (In Russ.).
- Braginsky MI, Vitryansky VV. Contract law. General provisions. Moscow; 1997. (In Russ.).
- Fromm E. Anatomy of human destructiveness. Trans. from Germ. E. Telyatnikova. Moscow: AST Publ.; 2022. (In Russ.).
- Ivannikov VA. Cultural and historical psychology of volitional action: from forecast to act. Selected writings. Moscow: Kogito-Center Publ.; 2021. (In Russ.).
- Karkhalev DN. Mechanism of civil law regulation of protective relations. Moscow: Infotropic Media Publ.; 2022. (In Russ.).
- Lukomskaya AS. Legal and psychological and pedagogical support of the social safety of minors. *Vestnik of Udmurt University*. 2014;2. (In Russ.).
- Makarova KV, Tallinn OA. Human psychology. Moscow: Prometheus Publ.; 2023. (In Russ.).
- Puginsky BI. Civil law in economic relations. Moscow: Jurid. lit. Publ.; 1984. (In Russ.).
- Rabets AM. Obligations to compensate for harm caused to life and health. Moscow: Federal Compulsory Medical Insurance Fund; 1998. (In Russ.).
- Selivanov VI. The will and how to develop it. Moscow: Znanie Publ.; 1976. (In Russ.).
- Stolyarenko LD, Samygin SI. Psychology of communication. Rostov-on-Don; 2022. (In Russ.).
- Sukhanov EA (ed.). Russian civil law: Textbook in 2 vols. Moscow; 2011. (In Russ.).
- Varkallo V. Liability under civil law (compensation for harm — functions, types, boundaries). Trans. from Polish by V.V. Zalessky; Bratus CN (ed.). Moscow: Progress Publ.; 1978. (In Russ.).
- Zykov SV. On the expression in the legislation of the exclusive nature of the use of deprivation of parental rights as a measure of family legal responsibility. *Family and Housing Law*. 2017;2:9-11. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Богданов Евгений Владимирович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова д. 36, корп. 8, Стремянный пер., г. Москва 117997, Российская Федерация
bogdanov.de@yandex.ru

Богданова Елена Евгеньевна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры семейного и жилищного права, профессор кафедры интеллектуальных прав Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) д. 9, Садовая-Кудринская ул., г. Москва 125993, Российская Федерация
eebogdanova@msal.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Evgeniy V. Bogdanov, Dr. Sci. (Law), Professor, Department of civil Law Disciplines Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russian Federation
bogdanov.de@yandex.ru

Elena E. Bogdanova, Dr. Sci. (Law), Professor, Department of Family and Housing Law; Professor, Department of Intellectual Property Rights; Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation
eebogdanova@msal.ru

Материал поступил в редакцию 20 апреля 2024 г.
Статья получена после рецензирования 14 ноября 2024 г.
Принята к печати 22 ноября 2024 г.

Received 20.04.2024.
Revised 14.11.2024.
Accepted 22.11.2024.